

Всего: 5 400 зн.

Книга под подушкой

В детстве вы читали по ночам? Когда не хватало дня, чтобы «проглотить» понравившуюся книгу всю целиком, от начала до конца? Тайком не зажигали свет? Вам не запрещали? Не говорили, что читать лежа нельзя, что можно испортить глаза? Спустя годы вы возвращались к этой книге, чтобы оживить прежние чувства, или книга разочаровывала вас? Жива ли еще в эру Интернета традиция *книги под подушкой*, если переводить дословно с французского, *книги у изголовья*, традиция возвращаться снова и снова к главным текстам, которые питают и поддерживают жизнь и к которым возвращаются в долгие бессонные ночи?

В течение веков считалось неприличным читать в постели. Подумать только: медитировать над Библией, нежась в теплой постельке! Чтение было несовместимо с понятием наслаждения, и должны были произойти серьезные культурные и технические реформы, чтобы книга заняла место у изголовья кровати. Произошло это в XVIII веке.

Первый шаг был сделан, когда стали оставлять пропуски между словами. До этого буквы лились непрерывным потоком и приходилось читать вслух, чтобы понимать написанное. Став молчаливой, литература приобрела интимный характер.

Второй шаг — это изменение формы. Когда книги представляли собой рулон, читать их можно было только сидя за столом. Переплет сделал чтение более выборочным. Теперь можно было бродить по книге, отыскивая любимые места, перечитывая заново.

Наконец, появились изолированные комнаты, а с ними минуты спокойствия, уединения, и долгое путешествие по книжным страницам началось.

Одной из первых книг, занявших место у изголовья нескольких поколений читателей, стала «Новая Элоиза» Жан Жака Руссо. Ее читали по ночам, плакали над ней, идентифицировали себя с героями книги. Очаровывало не только само чтение романа, но и то, что книга и ее герои помогали понять читателям их собственную жизнь. Вместе с Руссо родилась новая форма интимности, когда читатель слышал голос автора, словно книга была написана только для него одного.

Постепенно возросло и стало преобладающим число читательниц. После Руссо пришла очередь Бернарден де Сен-Пьера с романом «Поль и Виргиния». Он стал любимцем дам — читаемым, перечитываемым, обожаемым.

В XIX в. произошла модификация в выборе книг для чтения. К личному вкусу добавилось политическое сознание. Властителями душ стали «Отверженные» Виктора Гюго.

Много позже, в 60-е годы XX столетия, вдруг стало модным держать на ночном столике маленькую красную книжку с цитатами Мао.

Если верить старику Фрейд, существование любимых книг объясняется радостью повторения, которая обнаруживается у всех детей. Это своего рода пережиток детства. Перечитывание имеет над нами магическую власть. Мы ищем и находим состояние души и состояние ума, которые пережили в момент первого прочтения. До последнего времени такого рода чтение позволяло нам переселяться в другой мир. Сегодня число способов бегства возросло. Уже говорят не о культовых книгах, но о сериях культовых книг. Мы живем в эпоху потребления, и книги стали такими же объектами потребления, как и все прочее.

Телевизор, водруженный в спальне, — способен ли он заменить это изысканное чтение перед сном? Может быть, нет. Но одно очевидно: книга — единственная, уникальная, сопровождающая нас от отрочества до старости, — принадлежит другой эпохе.

На вопрос о любимых книгах в журнале *Lire* ответили писатели, художники, актеры.

Жерар Гаруст (художник):

У меня две любимых книги, которые я всегда держу рядом в моей мастерской. Это «Дон Кихот» Сервантеса, которого я иллюстрировал, и Рабле — я делал инсталляции по его мотивам. Это удивительно современные книги. В них говорится о серьезных и даже опасных вещах, но с массой юмора, фантазии, бурлеска. Я не тот, кто много читает, но я люблю перечитывать то, что читал прежде. Моя связь с чтением больше побуждение интроверсии, чем булимия. Я собираю эссе об этих двух книгах, потому что это помогает мне открывать в них вещи, которые я прежде не замечал.

Симпе (дизайнер):

В 20 лет я открыл для себя «Простое сердце» и «Воспитание чувств» Флобера, также альбом рисунков американца Саула Стейнберга. Это не обязательно книги, которые я читаю и просматриваю очень часто, но я все время о них думаю.

Бернар Гевр Д'Арсьер (директор фестиваля в Авиньоне):

Я прочитываю огромное количество театральных пьес, но автор, в которого я погружен все время, — это Шекспир. Вот уже 15 лет — и с профессиональной точки зрения, и для собственного удовольствия. У меня есть множество различных изданий на французском и на английском. И много переводов, которые я могу сравнивать. Я читаю Шекспира как роман, он бездонен, как океан. Каждый раз я открываю что-то новое, что, как мне кажется, я читаю в первый раз.

Елизавета Рудинеско (психоаналитик):

У меня нет привычки держать книгу в спальне, но каждое лето я беру месяц отпуска, в течение которого я читаю, отдавая предпочтение классике или великим авторам — Мишле, Ницше. Романист, которого я могу читать и перечитывать, это — Бальзак. Он структурирует мое воображение. Я никогда бы не написала мою книгу о Лакане, если бы не имела в основе этой бальзаковской культуры. Все вечные страсти человеческие можно найти в Бальзаке. Есть писатели, в которых я погружаюсь довольно регулярно, — Флобер, Достоевский, Стендаль, Пруст. Каждый раз я перечитываю их с новыми эмоциями, но оживают и те чувства, которые я испытывала 40 лет назад, когда читала их впервые.

По материалам *Lire*. — 2001. — №297.

А.Е.Воронов